

ШУМЕРСКОЕ НАЧАЛО В ТЮРКСКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Ислам Садыг

УДК 801.81(=341.1=512.1)

Тюркские народы имеют очень богатые традиции устного творчества. Количество только героических эпосов составляет более ста. Этот факт позволяет нам утверждать, что тюркское эпическое творчество уходит корнями в древнюю историю.

В данной статье произведения тюркского народного творчества изучены в сравнении с шумерскими эпическими текстами. В них выявлены многочисленные идентичные и сходные сюжеты, мотивы и образы. Многие из них не встречаются в фольклоре других народов. Первоисточниками универсальных мотивов, широко распространенных в фольклоре ряда народов мира, являются шумерские эпические тексты. В результате данного исследования выяснено, что так называемые универсальные сюжеты, мотивы и образы попали в фольклор некоторых народов мира посредством тюркского фольклора.

Ключевые слова: шумерский фольклор, тюркский фольклор, эпическая традиция, сюжет, мотив, образ.

Turkic peoples has a very reach oral folk traditions. Only heroic eposes quantity creating by turkic peoples much than a hundred. So this fact gives reason to assert that the Turkic epic creativity is rooted in ancient history.

In this article Turkic folk art were learned in comparison with Sumerian epic texts. There were found out a lot of the same and similiar plot, motifs and characters. A lot of them are not meeting in the other world people folklore. The primary sources of the universal motifs that are common in a number of folklore of the world are Sumerian epic texts. In the result of investigation was explained that, these kinds of plot, motif and characters were passed to the most peoples oral art by the using of turkic folklore.

Keywords: Sumerian folklore, Turkic folklore, epic tradition, plot, motif, image.

Тюркские народы, как известно, имеют очень богатые традиции устного творчества. Количество только героических эпосов составляет более ста. Это позволяет утверждать, что тюркское эпическое творчество уходит корнями в древнюю историю. Чтобы создать такой высоко художественный, неповторимый, самобытный эпос, как «Книга моего деда Коркута», несомненно, требовались опыт и традиции многих столетий дастанного творчества. Поэтому можно уверенно утверждать, что тюркское эпическое творчество достигло нынешнего уровня, развиваясь на базе богатейшего опыта и традиций. Знакомство с шумерским фольклором и литературой способствовало раскрытию некоторых темных, неизученных вопросов. Выяснилось, что тюркское эпическое творчество берет свое начало из шумерского фольклора. Между шумерскими и тюркскими героическими эпосами явно прослеживается схожесть формы, содержания, а также идейная и сюжетная аналогия. Более того, очень много однотипных характер-

ных элементов мы находим в художественных и изобразительных средствах, в тонкостях поэтического стиля.

В первой главе «Книги моего деда Коркута» повествуется, как Бугадж сражается с быком Байандыр хана и убивает его. Именно после этого дед Коркут назвал сына Дирсе хана Бугаджом [22, с. 23].

Сцена столкновения героя с диким быком встречается и в другой части эпоса «Гантуралы — сын Ганлы Годжи». Гантуралы прибывает к Такуру, мечтая жениться на его дочери Сельджан хатун. Такур ставит условие: смельчак, желающий взять в жены его дочь, должен убить дикого быка, льва и разъяренного верблюда. Условия очень трудные, не каждый герой решится на это, но и Сельджан хатун — красавица, отказаться от нее не к лицу огузскому герою:

*Сельджан хатун в желтом одеянии
глядит из шатра,
На ком остановит взгляд, тот
сгорит от любви [7, с. 95].*

Гантуралы пылає любов'ю, у нього нет чутства страху перед быком, львом и верблюдом. Прежде всего на него напустили дикого быка. Сначала он ударил быка кулаком в лоб. Однако внезапно в его голову пришла мысль: «Мудрецы правили этим миром умом!» И он поступил разумно: «Подошел к быку сзади. Бык встал на рога. Он трижды закрутил его хвост. Хрустнули кости животного. Бык, не стерпев боли, опустился на колени. Гантуралы прижал быка к земле, схватил за шею, ножом полоснул по шкуре, мясо бросил на арену, а шкуру разложил под ногами Такура» [7, с. 100].

Что мы знаем о появлении мотива борьбы героя с диким быком? Откуда этот мотив берет начало? Эти вопросы давно волнуют коркутоведов, но так и остаются без ответов. Такую же сцену мы наблюдаем и в шумерском героическом эпосе «Билгамыс и небесный бык». Шумерское божество любви, продолжения рода и плодородия Инанна любит царя города Урук — полубогданного героя Билгамыса, мечтает выйти за него замуж, но получает отказ. Разгневанная Инанна (Иштар) взлетает в небеса, жалуется своему деду Ану и просит его сотворить одного быка, чтобы тот убил Билгамыса:

*Иштар уста открыла и молвит,
Ану, отцу своему вещает:
Отец, быка создай мне, пусть убьет
Билгамыса,
За обиду Билгамыс поплатиться
должен!* [20, с. 42]

Божественный Ан (в дастане Инанна обращается к нему как к отцу, поэтому многие приходят к выводу, что Инанна — дочь Ана, но по сути Инанна — внучка Ана, она дочь божества Луны Наннара) исполняет желание Инанны, создает быка и передает ей. Вот как этот бык изображен в дастане:

*Спустился к Евфрату, в семь
глотков его выпил, —
река иссякла;
От дыхания быка разверзлась яма,
Сто мужей Урука в нее свалились*
[20, с. 43].

Сила, устрашающая мощь быка убедительно переданы такой характеристикой: «он способен семью глотками осушить воды Евфрата, дыханием вырыть семь ям в земле, и в каждую из них падут сто героев Урука». Энкиду также трижды закрутил хвост быка, хрустнули его кости. Бык, не стерпев боли, опустился на колени. Билгамыс и Энкиду убили быка кинжалом, сняли шкуру и бросили под ноги Инанны.

В шумерском и тюркском эпосах следует обратить особое внимание на два мотива: 1) Гантуралы трижды закрутил хвост быка. Хрустнули его кости. Бык, не стерпев боли, опустился на колени. Билгамыс и Энкиду во время борьбы с небесным быком тоже использовали этот прием; 2) Гантуралы убил дикого быка, снял с него шкуру, бросил под ноги Такура, который был уверен, что его дикий бык убьет Гантуралы. Билгамыс и Энкиду убивают небесного быка, снимают с него шкуру и бросают под ноги Инанны, которая была уверена, что ее небесный бык одолеет Билгамыса. В обеих ситуациях жизни героя угрожает дикий бык.

Эти мотивы не встречаются в фольклоре других народов и поэтому вышеуказанную идентичность нельзя оставлять без внимания.

Одна из лучших и наиболее интересных глав «Книги моего деда Коркута» — «Дели Домрул». Она выстроена на двух сюжетных линиях: 1) не бояться смерти, бороться с ангелом смерти (Азраилом), убить его, раз и навсегда избавить от него народ; 2) спастись от смерти можно, отдав жизнь за жизнь. Каждая из этих линий сюжета оригинальна и представляет немалый интерес. Во-первых, данный мотив настолько древен, что Домрул не понимает, что такое смерть. Из текста ясно, что Дели Домрул далек от осознания понятия смерти. Вплоть до гибели своего друга Энкиду Билгамыс не знает, что такое смерть. Только после смерти Энкиду он понимает, что и сам когда-то умрет. Поэтому он ищет причины смерти и пути спасения от нее. После долгих поисков он находит цветок бессмертия, но его крадет змея. Все произошедшие с Билгамысом

события имеют аналогию в «Книге моего деда Коркута». В нижеследующих формулах мож-

но четко проследить идентичность сюжетов этих двух произведений:

«Билгамыс и Гора бессмертных»	«Книга моего деда Коркута» [22]
Энкиду умирает	Умирает огузский смельчак
Билгамыс оплакивает друга	Огузы оплакивают своего героя
Билгамыс сожалеет о смерти людей	Дели Домрул сожалеет о смерти людей
Билгамыс задумывается о поисках путей спасения от смерти	Дели Домрул решает убить Азраила
Билгамыс осознает, что люди рождаются смертными	Дели Домрул осознает, что избежать смерти невозможно
Билгамыс находит цветок бессмертия, но его крадет змея	Дед Коркут не желает умирать. Он засыпает; Во сне его жалит змея и он умирает

По сути кража змеей найденного Билгамысом цветка бессмертия и смерть деда Коркута от укуса змеи — семантически близкие мотивы. В обоих случаях совершенно ясно, что смерть — это предначертание судьбы, человеку не дано бессмертие. Окончания сюжетов также схожи. Всевышний даровал Дели Домрулу сто сорок лет жизни. Билгамыс прожил примерно столько же. Он царствовал сто двадцать шесть лет, добавив к ним четырнадцать его юношеских лет, получаем сто сорок.

Мотив неприятия смерти, просьбы у Всевышнего вечной жизни и неосуществление этой мечты встречается и в книге шумерского поэта Лудингирра. В ней рассказывается, что поэт замечает, как его друг Шешдада страдает, он спрашивает у него, что случилось, отчего он грустен. И тот отвечает, что просит богиню Баба избавить его от смерти:

*Спасайшейся от ястреба птице
  подобен я,
Жизнь свою хочу спасти.
Сбежав от смерти, на груди твоей
  хочу прикоркнуть,
Вырви меня из лап смерти!
Я молод, причитаю по поводу смерти.
Жизнь отдаляется от меня.*

*Береги меня,
Как корова бережет и охраняет
  своего теленка!
Пожалей меня, как мать, родившая
  меня [23, s. 78—79].*

Этот мотив просьбы у Всевышнего даровать жизнь совершенно идентичен мотиву просьбы у Бога Дели Домрулом. Помимо сказанного, в текстах прослеживаются отношения человек — Всевышний, мать — дитя. В тексте параллели Шешдада — дитя и Баба — мать трансформируются в выражение отношений мать — дитя.

В башкирском эпосе «Урал-батыр» одну из основных сюжетных линий составляет мотив не только избежания смерти, но и битвы с Азраки, чуть ли не отождествляемым с Азраилом. Урал-батыр, подобно Дели Домрулу, также не может смириться со смертью, желает спасти человечество от страха смерти, вступает в битву с Азраки и убивает его [15, s. 36].

Второй мотив сюжета главы «Дели Домрул» — продолжение первого, его естественное ответвление. Имеется в виду мотив «отдать чью-то жизнь, чтобы остаться в живых». В эпосе «Книга моего деда Коркута» Дели Домрул отправляется за Азраилом с целью

убить его. Однажды Азраил появляется перед ним, пугает его коня. Конь сбрасывает Дели Домрула, тот падает на землю. Азраил взбирается ему на грудь, чтобы забрать душу, но тот просит пощады. Азраил говорит:

Чего ты меня умоляешь? Моли Всевышнего Бога!

После этих слов Дели Домрул обращается с мольбой к Всевышнему, которому это понравилось. И Бог говорит Азраилу:

Он осознал мое Божественное единство, вознес молитву. Эй Азраил, пусть душа Дели Домрула будет свободна, пусть он вместо своей жизни отдаст другую [22, с. 92].

Идея отдачи чужой жизни вместо своей появляется в эпосе именно здесь. Однако ни отец, ни мать не желают отдавать свою жизнь вместо Дели Домрула. Он не просит жизни у своей жены, прощается с ней:

*Пусть царские кони в конюшнях
Служат тебе!*

*Пусть дома мои и хоромы
Укрывают тебя!*

*Пусть караваны верблюдов моих
Ношу твою перевозят!*

*Пусть белая овца моя
Будет тебе подспорьем!*

[22, с. 92]

Жена Дели Домрула, услышав эти слова своего мужа, поступает самоотверженно:

*Пусть земля и небо станут
свидетелями!*

*Пусть Всевышний будет
свидетелем!*

*Да будет моя душа жертвой за
твою душу!*

[22, с. 93]

Впервые мотив «жизнь за жизнь» встречается в шумерском фольклоре. Этот мотив запечатлен в тексте «Снисхождение Инанны в подземный мир». В нем рассказывается о том, как богиня любви шумерского пантеона Инанна отправляется в подземное царство, где ее убивает сестра Йерешкигал и подве-

шивает на вилы. Однако бог мудрости Энки оживляет ее и возвращает в мир света. Так происходит возрождение Инанны и возвращение ее в этот мир. Два порожденных Энки существа — Кургар и Галатур — отправляются в подземный мир, снимают труп Инанны с вил, один прикасается к ее телу «травой жизни», а другой — «водой жизни». Инанна оживает и выходит в светлый мир. Но из текста видно, что и подземный мир имеет свои суровые законы:

Инанна встает.

Инанна из подземного мира выходит.

Ануннаки ее хватают:

— Кто из спускавшихся в мир

подземный

выходил невредимо

из мира подземного?

Если Инанна покинет «Страну без

возврата»,

За голову голову пусть оставит!

[9, с. 147]

В двух последних строках ясно говорится: чтобы выбраться из подземного мира живым, здоровым, каждый должен «вместо своей головы голову оставить». Интересно и то, что стражи подземного царства не отстают от Инанны, требуют «жизни вместо жизни», несмотря на то, что она имеет божественное происхождение и уже вернулась в царство света. Инанна решает принести в жертву своего мужа Думузи. Указывает на него демонам-«галам». Семь демонов хватают Думузи прямо на троне в городе Кулаб и, наконец, убивают его. Но и здесь мы видим, что к нему проявляется снисхождение, так как он божество и муж Инанны. Думузи разрешают шесть месяцев жить в царстве света, а шесть месяцев — в подземном царстве. Ежегодно он умирает 21 сентября по нынешнему стилю, а оживает 21 марта. У шумеров также новый год начинался с этой даты, что совпадает с нашим новогодним праздником Новруз.

Совпадение еще одного мотива встречается в шумерском эпосе «Билгамыс и Гора

бессмертных» и тюркском эпосе «Книга моего деда Коркута». В шумерском эпосе герой Билгамыс не намерен мириться со смертью, желает найти секрет вечной жизни. С этой целью он готовится отправиться к Горе бессмертных. Но перед этим он обращается к солнечному богу Уту, который обещает помочь ему:

*Для ног твоих, малых ног,
Оковы малые сделаю я.
Для ног твоих, больших ног,
Оковы большие сделаю я*
[1, с. 133; 11, с. 211].

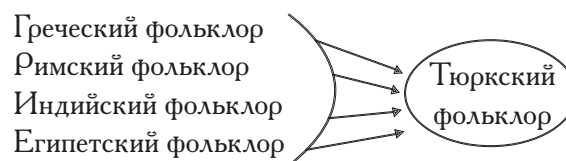
Здесь слово «ноги» символизирует препятствия, ожидающие Билгамыса, а слово «оковы» — силы, которыми Уту наградил Билгамыса для преодоления этих препятствий.

В эпосе «Книга моего деда Коркута» Басат приходит к одноглазому великану Тэпэгезу, чтобы убить его. Великан ловит Басата и прячет в своей обуви.

В шумерском эпосе Хумбаба является препятствием для Билгамыса, поэтому Уту вручает ему маленькие и большие оковы, чтобы герой с их помощью мог победить своего противника. В тюркском эпосе, наоборот, Басат является реальной угрозой для одноглазого великана и он, схватив героя, прячет его в обуви. Как видно, эти мотивы идентичны.

В шумерских и тюркских эпосах имеются десятки идентичных и сходных сюжетов, мотивов и образов. Многие из них встречаются в фольклоре и других народов. Поэтому их происхождение интересует многих фольклористов, этнологов, историков, языковедов. В результате многолетних наблюдений и исследований в науке сформировались две позиции относительно этого вопроса: по мнению сторонников первой позиции, первоначальными источниками этих сюжетов, мотивов и образов являются греческие, римские, индийские, египетские, иногда даже иранские мифы. Эта позиция условно отражена в схеме 1:

Схема 1

Как видно из схемы 1, в данном варианте линии разных объектов (под объектом здесь мы подразумеваем фольклор каждого отдельного народа) направлены к одному объекту (фольклору одного народа). По нашему убеждению, это предположение маловероятно.

Сторонники второй позиции, не обращая внимания на все догмы и преобладающие мнения, меняют направление. В этом варианте внимание акцентируется на тюркском фольклоре, и возникает иная картина. Получается, что первоначальным источником вышеуказанных универсальных сюжетов, мотивов и образов является тюркский фольклор.

Вторая позиция не принимается единодушно, поскольку сторонники первой позиции стараются ставить ее выводы под сомнение. Возражают в основном те, кто следует анти-тюркским настроениям. Вторая позиция условно отражена в схеме 2:

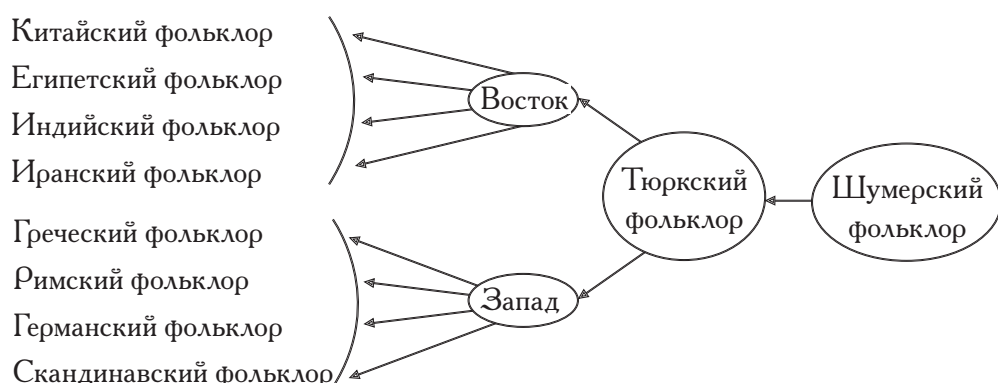
Схема 2

Не учитывая все существующие поныне выводы, в том числе выводы, сделанные сторонниками и первой, и второй позиций, мы предлагаем третий вариант. Не создавая плодотворной почвы для возможных возражений, в этом варианте в качестве изначального объекта избран шумерский фольклор, предшествующий всем вышеуказанным источникам на две тысячи лет. Если, учитывая направления исторической миграции тюрков, направленность, общую географию и относительную давность распространения их эпосной традиции на другие народы,

условно выделить понятия «Восток» и «Запад» как обособленные фольклорные группы, то наш

вариант можно условно отразить в следующей схеме 3:

Как видно из последней схемы, египетский, индийский, китайский и иранский фольклоры питаются из единого первоисточника — Востока. В то же время Запад питает греческий, римский, германский и скандинавский фольклоры. Источником народного творчества Востока и Запада является тюркский фольклор, который выступает в качестве соединяющего звена между восточным, западным и шумерским фольклорами. Шумерский фольклор приобретает статус первоисточника для всех остальных. Выводы последнего варианта подтверждаются историческими фактами и результатами ряда исследований. Ниже мы приводим некоторые из них:

1. На территории нынешних Египта и Эфиопии первое в истории государство создало племя кушчу, племя тюркского происхождения.

2. Племя кушчу в Индии создало Кушанскую империю, долгое время управлявшую Индией.

3. После шумеров племя кушчу (в ассириовавилонских источниках называется кассии, кашшу, кушшу) в Месопотамии взяло власть в свои руки, удерживая ее 570 лет [24, s. 295–302].

4. Племя кушчу создало государство Кушан в Средней Азии.

5. Племя кушчу (китайские источники называют их юечжи) долгое время сохраняло в Китае свою гегемонную позицию.

6. Большинство фольклорных сюжетов, мотивов и образов были привезены в Рим

этрусками. Легенда о Реме и Ромуле — яркий пример этого. Тюркское происхождение этрусков доказано в исследованиях Чингиза Гарашарлы.

7. Германские и скандинавские народы заимствовали первые эпосы у гуннов. Герой их первого эпоса — Аттила, гуннский полководец. Исследования показывают, что первые варианты эпосов не были созданы самими германскими и скандинавскими народными певцами, они переняли их в готовом виде у гуннов, только спустя долгие годы на базе тюркских эпосов они сочинили свои национальные варианты. Это говорит о том, что германские и скандинавские народы до гуннов не имели собственной эпической традиции [3; 18].

8. Многочисленные фольклорные сюжеты, мотивы и образы были привезены в Грецию до Александра Македонского, в его время и после него. Многие из них были заимствованы греками у скифов. В последнее время в науке укрепляется позиция ученых, подтверждающих тюркское происхождение скифов [2; 10; 12; 13; 16; 17; 21].

9. Персы сами не создали фольклорной культуры. В VII в. и в первой половине VI в. до н. э. Мидия была центром нынешней иранской материальной и духовной культуры, которую заимствовали и позже развили персы [4, с. 67, 86, 264, 270, 296].

10. Названия трех великих восточных государств — Misir (Египет), Çin и Kitay (Китай)

и İran (Иран) — имеют тюркское происхождение [5, с. 332–333; 14, с. 141; 25, с. 306].

11. Армия Наполеона в 1799 году в Египте не обрела победы. Однако его вторая «армия», состоящая из ученых, успела собрать сотни научных, художественно-литературных и других произведений. Поэтому Наполеон считал себя победителем и с гордостью говорил своим полководцам, что он везет с собой во Францию богатый, ценный материал для 26-ти томов книг и 12-ти атласов [6; 19].

12. Самуэль Ной Крамер, говоря о происхождении широко распространенных у многих народов фольклорных сюжетов, мотивов и образов, уверенно писал, что «вряд ли воз-

можно, чтобы литературная форма, столь индивидуальная по стилю и средствам, как повествовательная поэзия, создавалась и развивалась независимо и в разные временные эпохи в Шумере, Греции, Индии и Северной Европе. Поскольку повествовательная поэзия шумеров оказывается все же самой старшей из всех четырех, есть вероятность того, что эпический жанр берет начало именно в Шумере, откуда затем распространился в соседние земли» [8, с. 210].

Таким образом, выводы, сделанные после анализа схемы третьего варианта, можно уверенно считать достоверными и научно обоснованными.

1. Билгамыс и Гора бессмертных // Антология Шумерской поэзии. – С.Пб., 1997.

2. Граков Б. Н. Скифский Геракл // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1950. – № XXXIV. – С. 7–18.

3. Гуревич А. Я. «Эдда» и сага. – М. : Наука, 1979.

4. Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика Древнего Ирана. – М. : Наука, 1980.

5. Ильин Г. Ф., Дьяконов И. М. Индия, Средняя Азия и Иран в первой половине I тысячелетия до н. э. // История древнего мира. – М. : Наука, 1982. – С. 331–352.

6. Керам К. В. Боги, гробницы, ученые. – М. : Наука, 1986.

7. Книга моего Деда Коркута. Огузский героический эпос / пер. акад. В. В. Бартольда ; издание подготовили В. М. Жирмунский и А. Н. Кононов. – М. ; Ленинград, 1962.

8. Крамер С. Н. Шумеры / пер. с англ. А. В. Милосердовой. – М., 2009.

9. Нисхождение Инанны в подземный мир // Антология Шумерской поэзии. – С.Пб., 1997. – С. 139–152.

10. Потанин Г. Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. – С.Пб., 1899.

11. Поэзия и проза древнего Востока. – М., 1973.

12. Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. – М., 1985.

13. Раевский Д. С. Очерки идеологии скифосакских племен. – М., 1977.

14. Степугина Т. В. Первые государства в Китае // История древнего мира / под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой. – М. : Наука, 1982.

15. Сулейманов А. Особенности интерпретации международного эпического мотива «поиск секрета вечной жизни» в башкирском народном эпосе «Урал-батыр» // Ortaq Türk Keçmişindən Ortaq Türk Gələcəyinə Uluslararası Folklor Konfransının Materialları. II kitab. – Bakı, 2004. – S. 35–41.

16. Тамара Т. Райс. Скифы / пер. с англ. Л. А. Карповой. – М., 2009.

17. Турсунов Е. Д. Тюрко-монгольские версии сказания об ослеплении циклопа // Советская Тюркология. – Баку, 1975. – № 3. – С. 36–43.

18. Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о нибелунгах. – М., 1960.

19. Эберс Г. Уарда / пер. с немецкого Д. Е. Бертельса ; предисловие В. В. Струве и Д. Е. Бертельса. – М. : Правда, 1987.

20. Эпос о Гильгамеше / пер. с аккадского И. М. Дьяконова. – М. ; Ленинград, 1961.

21. Нәсәнов З. Çar skiflər. – Bakı, 2005.

22. Kitabı-Dədə Qorqud // Gənclik. – Bakı, 1978.

23. Muazzez İlmiye Çiğ. Sumerli Ludingirra. – İstanbul, 2000.

24. Sadıq İ. Şumerdə izim var. – Bakı : Azər nəşr, 2008.

25. Yusifov Y. Qədim Şərq tarixi. BDU nəşriyyatı. – Bakı, 1993.